

МАС Т ЕРА
ОС РОСЮЖЕТНОГО
ДЕ ЕКТИВА

ЭД МАКБЕЙН

ДЕТИ
ДЖУНГЛЕЙ



Эд Макбейн

В любое время могу бросить...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149143

Аннотация

С присущей ему точностью наблюдений автор исследует криминальную среду как специфический срез современного американского общества. Сборник рассказов `Дети джунглей` посвящен подросткам, проводящим время на улицах Нью – Йорка. Наркотики, грабежи и убийства – неотъемлемая частых опасной жизни...

В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ МОГУ БРОСИТЬ...

ЭД МАКБЕЙН

На крыше было ужасно жарко.

Солнце висело в небе мутным желтым шаром, палило на растопленный гудрон крыши, смотрело с алюминиевых небес и отражалось от значков на груди двух полицейских.

Второй коп перегнулся через кирпичную стену на краю крыши и смотрел вниз на аллею. У него была жирная задница, и его синяя униформа чуть не лопалась на широких и мощных ягодицах. Первый коп тоже был жирным, но не настолько, как второй. Он держал меня за локоть своей пухлой лапищей.

– Ну, петушок, говори, куда ты это дел? – сказал коп.

– Куда я дел – что? – спросил я.

– Шприц и наркотики. Нам известно, что они у тебя были.

Ты бросил их отсюда, с крыши?

– Я не понимаю. Что это еще за шприц такой? – попытался вывернуться я. – Неужели вы пользуетесь этим шприцем, чтобы обороняться от врагов?

Второй коп подошел к нам и сказал:

– Он у нас оказался мудрецом, Томми. Хитрый типчик.

Томми кивнул и сжал кулаки.

– Советую тебе и дальше поступать столь же мудро, – сказал он мне. – Продолжай в том же духе. Мы знаем, что ты на игле, сынок, и сделаем все, чтобы поймать тебя с поличным. Тебя арестуют за хранение.

– За хранение чего? – осведомился я.

– Говорю же тебе, – буркнул второй коп, – он – хитрый тип.

– Ты сейчас под кайфом? – спросил Томми, пронзая меня взглядом.

– Не понимаю. Что значит “под кайфом”?

– Он не понимает, что значит быть под кайфом, – передразнил меня второй коп.

– Вы здесь болтаете о каких-то шприцах, о каком-то кайфе, а я ничего ровным счетом не понимаю. Вы, ребята, что, вообще не говорите на английском? – сказал я.

– На английском говорят в деловой части города, – угрожающе произнес Томми. – Ты узнаешь об этом, когда мы в первый раз заметем тебя за косяк героина.

– А что это такое – героин? – осведомился я.

– Пошли отсюда, мы напрасно теряем время, – сказал второй коп. – Он спрятал зелье и иглу.

– Ребята, вы говорите тут на каком-то иностранном языке, – пожал я плечами.

Томми печально покачал головой:

– Ты идешь по скользкой дорожке, сынок. стыдно.

– Ага, мне даже его жалко, – подхватил второй.

– А мне жарко, – сказал я им, – от этого чертова солнца.

– Держи свой нос чистым, петушок, – предупредил меня Томми. – Запомни, если только мы поймаем тебя с косяком, будешь париться за решеткой.

– Не пугайте меня, дяденьки! – сказал я. – Вы еще Лексингтоном погрозите!

– А ты что, вдруг стал понимать иностранные языки, сынок? – спросил второй коп.

– А вы что, нашли у меня героин? – ответил я вопросом на вопрос. – Вам есть в чем меня обвинить? Если нет, то почему бы вам не спуститься вниз и не порегулировать городским транспортом?

– Ах вы, чертовы наркоманы... – начал было он.

– Что еще за наркоманы? – невинно осведомился я. Второй коп буркнул:

– Ах ты! – и отвел руку назад, словно собрался отвесить мне пощечину.

Томми схватил его и сказал:

– Пошли. Пусть этот негодяй завязнет в этом дерьме, как муха. Я проследил, как они открывают металлическую дверь, ведущую на крышу, а потом выходят на улицу. Я смотрел через кирпичную стенку, пока не увидел, как они усаживаются в свой “воронку”, а потом подошел к той стороне, что выходила на аллею, и посмотрел вниз. Шприц все время лежал у кирпичной стены, должно быть, коп совсем слепой, что не заметил его. Где-то там внизу, на цементе, лежал ко-

смячок с героином, поджидая циркового клоуна. Я подумал о косяке, и мои ладони чуть вспотели, но я тут же сказал себе:

– Парень, прекращай себя вести, словно ты пристрастился к наркоте!

Я прошел к той стороне крыши, которая выходила на улицу, взгляделся и увидел полицейскую патрульную машину, которая вливалась в транспортный поток. Я улыбнулся, а потом пошел к металлической двери, вниз по ступеням до первого этажа здания. Когда я оказался внизу, то постучал в дверь квартиры номер 11 и стал ждать.

– Кто там? – спросил женский голос.

– Это я, Джой.

– Что тебе надо? – спросила она.

– Открой, Анни! Ради Бога, открой!

Я услышал шаркающие шаги за дверью, потом дверь приоткрылась, и в дверном проеме появилась Анни, завернутая в шелковый халатик. Она туго запахивала халат на талии, но он впереди все равно распахивался, обнажая длинные ноги Анни, а над талией – кремовые груди там, где их не прикрывал шелк.

– В чем дело, Джой? – спросила она.

Она была блондинкой, Анни, с зелеными глазами, и эти глаза сказали мне, что она под сильным марафетом, в таком состоянии, в каком и мне бы хотелось быть.

– Впусти меня, – сказал я. – Полиция на хвосте. Она отступила назад, не говоря ни слова, а потом, когда я вошел,

громко хлопнула дверью и заперла ее на замок.

– Ты под кайфом, сестренка? – спросил я.

Анни посмотрела на меня остекленевшим взглядом. Она почти входила в ступор – просто стоя тут. И отвечать ей было не нужно, потому что ответ был написан на ее лице.

– Еще под каким, парень! – сказала она.

– Ты же вчера вечером была пустая, – заметил я. – Откуда дровишки?

– Оттуда, – произнесла она сонно. – Я что, должна тебе докладывать?

– Ты мне ничего не должна, – возразил я, – ровным счетом ничего.

– А ты не шутишь, мистер?

Анни рухнула на кровать, широко раскинув ноги, халатик оказался под ней, словно шелковая простыня. Она начала вырубаться, поэтому я растолкал ее и спросил:

– Какое из твоих окон выходит во двор?

– А что?

– У меня там косяк. Давай, Анни, очнись!

– Окно рядом со шкафом, – сказала она. – Как тебя понимать? Ты хотел сказать, что твой косяк во дворе?

Я был уже у окна, открыл его и выглянул во двор. И тут же увидел шприц, лежащий на бетоне у стены. До него было еще футов десять. Прямо под окном проходила сточная труба, забетонированная в решетку из спаянных стальных прутьев. Придется прыгать с решетки, и вероятно, мне потребуется

помощь Анни, чтобы забраться обратно.

– Ты подашь мне руку на обратном пути? – спросил я. – Тогда мы поделим дурь. Согласна?

Я посмотрел на Анни, лежащую на кровати. Она теперь по-настоящему вырубилась, поэтому я заорал:

– Эй, голова садовая!

Глаза у нее тут же открылись, она посмотрела на меня, а я повторил:

– Согласна?

– Ага, – сонно ответила она. – Конечно согласна.

Тут она снова откинулась на подушки, а я приготовился к прыжку.

Мне бы нужно было свеситься с подоконника, но тогда я не подумал об этом. Я просто прыгнул вниз. Полагаю, мне слишком не терпелось добраться до косяка и шприца. Я не промахнулся – попал на решетку.

Моя нога проскочила прямо между двумя железными прутьями бетонной стенки сточной трубы, и я упал прямо на задницу, чуть было не разорвавшись надвое.

Сначала боль была настолько сильной, что я просто не мог пошевелиться. Я корчился с открытым ртом, а пах у меня горел огнем. Я не смог бы заорать, даже если бы захотел. А потом, некоторое время спустя, боль в паху исчезла, но ее сменила на этот раз другая боль – боль в ноге. Я попытался было слезть с решетки, но было такое ощущение, словно нога отрывалась при каждом моем движении.

Я заглянул в сточную трубу, и меня чуть было не вырвало, когда я увидел свою ногу. Она была вывернута под странным углом, а кость пробила штанину и торчала вбок. Шерстяная ткань вся пропиталась кровью.

– Анни! – заорал я. – Эй, Анни!

Я подождал несколько минут, а потом снова завопил:

– Анни!

Она не отвечала, и я вспомнил, что она только что укололась и вырубилась. Я подумал, надолго ли ее забрало и через сколько времени она придет в себя.

– Анни! – заорал я еще раз, а потом заткнулся, потому что не хотел, чтобы из окон повысовывались ее соседи.

Я видел шприц в углу рядом с кирпичной стеной, а в паре футов от него – косячок с героином. Анни была на игле, но остальные люди в этой дыре – нет. И если кто-нибудь заметит меня со сломанной ногой, то наверняка вызовет копов. А если копы приедут, они точно найдут шприц и героин, и тогда прощай, Джой!

Мне ничего не оставалось, только ждать, когда Анни придет в себя.

Все было бы не так уж и плохо, если бы нога не болела так сильно. А еще шприц, который лежит совсем рядом! Я попробовал дотянуться до него, но нога отзывалась резкой болью на каждое мое движение. Я не мог вытащить ногу из решетки, не задев прутьев сломанной костью, а для этого у меня не хватало решимости.

Мне нужен какой-нибудь болеутолитель, а косяк с героином лежит в нескольких футах от того места, где я попался в ловушку. А к тому же внизу, на расстоянии какого-нибудь фута, лежит шприц с иглой, а я не могу добраться до них!

Хорошо, что я еще не пристрастился к зелью. Я только шесть месяцев сижу на героине, вот и все. Перед этим немного марихуаны, но всем и каждому известно, что марихуана не вызывает привычки. Я знаю парней, которые перед каждым ужином вместо коктейля накуриваются травкой до одурения. Это все домыслы полицейских, но законники ничего не смыслят в кайфе, поверьте мне. Я сел на героин, потому что мне так нравится, вот и все. То есть я хочу сказать, что между наркоманом и парнем, который принимает дурь для удовольствия, – большая разница. Вот Анни – она пристрастился ас', это ясно с первого взгляда. Она так долго на игле, что употребляет наркоту в завтрак, в обед и в ужин, а также в перерывах и качестве легкой закуски. Анни – совсем другое дело. Она – самая что ни на есть наркоманка, а я – нет. Анни из тех, кого тянешь в постель, а она даже не понимает, что с ней происходит. Она думает только об игле, а не обо мне. Для меня – это лишь удовольствие, чистое и простое. Я могу бросить героин в любой момент, это мне все равно что чихнуть, но я не хочу. Зачем, если получаешь от этого такой кайф?

Поэтому меня это не слишком-то и беспокоило, то есть я хочу сказать – то, что косяк лежит так близко. Если бы я был

наркоманом, то все было бы по-другому, то есть я имею в виду героин. Просто мне нужно снять боль в ноге, потому что она чертовски болит, чтоб мне провалиться! Одному только Богу известно, когда Анни вновь увидит белый день.

Кровотечение остановилось после того, как я сделал жгут из своего носового платка, просунул руку сквозь прутья и перевязал ногу. Во дворе было прохладно, и за одно это уже можно было бы благодарить Бога. На крыше солнце было просто ужасным, то есть я хочу сказать, жара стояла страшная!

Я принялся поносить копов за то, что они привязались ко мне, загнали на крышу и мне пришлось выбросить зелье. Если бы не они, я не прыгнул бы из окна Анни за дурью. Косяк был хорош, я получил его от Гарри по прозвищу Конь, а уж Гарри-то разбирается в героине, как в собственной заднице. Он три срока отбыл в Лексингтоне, и каждый раз ему говорили, что он вылечился, а он выходил из лечебницы и на следующий же день уже каруселил. У Гарри всегда можно купить наркоту. Он – настоящий друг, хотя и наркоман, и он знает, через что приходится проходить человеку, когда у него ломка. Поэтому стоит только подержаться за живот или слегка блевануть перед Гарри, и он выложит тебе косячок бесплатно. Это просто здорово, и ты всегда можешь быть уверен в том, что зелье у Гарри отменное.

Косячка, который лежит здесь, на бетоне, хватило бы на два укола, а мне сейчас просто необходимо уколиться, из-

за ноги. Я сидел, проклинал сломанную ногу, и смотрел на блеск от шприца в углу. Ломки у меня не было, вы же понимаете, но я уже запланировал уколиться – так тут появились эти чертовы полицейские! А теперь у меня нога сломана, и все из-за этих копов!

Не знаю, как долго этот малыш сидел у окна, но я только сейчас его заметил. Он перепугал меня до смерти – сидел и смотрел во все глаза. Его окно находилось прямо напротив окна Анни, и малышу было не больше пяти лет. Светловолосый мальчик с голубыми глазами. Он таращился на меня через закрытое окно, а я улыбнулся ему и сказал:

– Открой окошко, малыш!

Он меня не слышал. Вылупился, словно на какого-нибудь зверя в зоопарке. Я показал ему рукой, чтобы он открыл окно, и он в конце концов понял – поднял оконную раму, не отводя от меня взгляда.

– Твоя мама дома, малыш? – спросил я.

Он отрицательно замотал головой, но ничего не сказал.

– А папа?

Он снова замотал головой.

– Ты один дома, малыш?

– Да, – сказал наконец он. – Они пошли в магазин.

– Хорошо. Хорошо. Послушай, малыш, хочешь конфетку?

– Нет, – сказал он.

– А что ты хочешь, мальчик? Мороженого? Мячик? Змея?

Что ты хочешь?

– Ничего, – сказал он.

– Послушай, малыш, видишь вон ту штучку в углу? Вон ту, с иглой?

– Ага, – сказал малыш.

– Видишь вон ту дверь в стене, малыш? Она наверняка ведет в подвал. Хочешь спуститься в подвал и принести мне вон ту иглу?

– Нет, – сказал он.

Я закусил губу и спросил:

– Как тебя зовут, сынок?

– Майк.

– Хорошо, послушай, Майк, ты приносишь мне иглу и вон тот маленький пакетик, а я куплю тебе большой пакет леденцов. Как насчет этого, Майк?

– Я не хочу леденцов.

– А что ты хочешь? Я куплю тебе все, что ты захочешь.

– Электрический поезд, – сказал он.

– Отлично. Ты его получишь. Спускайся в подвал и принеси мне иглу и... "

– Я не могу, – сказал малыш.

– Почему? Ради Бога, я куплю тебе этот чертов поезд! Я же тебе сказал! Давай, малыш!

Я ругал себя на чем свет стоит за то, что сразу не разобрался, что дверь подвала ведет во двор. Если бы я только знал об этом, мне не пришлось бы прыгать из окна Анни!

Как трудно уговаривать этого мерзкого постреленыша!

– Так что ты скажешь, Майк?

– Мама велела мне сидеть дома, – сказал он.

– Я ей все объясню, когда она вернется. Давай, малыш.

Выходи и поищи дверь в подвал, а потом спускайся и открой дверь, ведущую во двор. Ладно, Майк?

– Нет, – сказал Майк.

– Почему же нет, маленький ты негодяй?! Какого черта ты...

– Это ругательства, – сказал Майк. – Моя мама говорит, что это ругательства.

Я заткнулся на минутку и принялся размышлять.

– Послушай, Майк, у меня есть другой план. Тебе не нужно будет спускаться в подвал. Ты ведь боишься подвала, верно?

– Нет, – сказал Майк.

– Послушай, просто выйди и постучись в одиннадцатую квартиру. Это в другом конце коридора, Майк. Просто постучись туда и спроси Анни, а потом скажи ей, что я тут. Ладно, Майк? Сделаешь? И тогда я куплю тебе целую железную дорогу.

– Мама велела мне сидеть дома, – сказал он.

– Почему? Какой вред будет от того, если ты...

– Я простужен, – сказал Майк. – Меня не выпускают из дому, пока я не поправлюсь.

– Тебе же не нужно будет выходить из дому, Майк. Тебе

просто нужно будет пройти по коридору, не выходя из здания, и постучаться в одиннадцатую квартиру. Ты не ослушаешься свою маму.

– Не могу, – сказал Майк. – Я должен сидеть дома.

– Ах ты, маленький сукин сын! Как только Я выберусь отсюда...

Я услышал, как хлопнула дверь, и заткнулся. Женский голос закричал:

– Майк! Что ты делаешь у окна?

Я прилип к стене, потом увидел, как чья-то рука схватила Майка и оттащила его от окна. Женщина опустила раму, не взглянув во двор, и я подумал, расскажет ли ей Майк обо мне. Я надеялся, что не расскажет, потому что следующим ее шагом будет звонок в полицию, а я вовсе не горю желанием, чтобы на меня завели дело.

Жаль, что я сдал в заклад свои часы, потому что мне нужно узнать время. Два месяца назад мне очень нужно было купить дури, а Гарри-Конь в то время парился в лечебнице, и я не мог раздобыть зелье в долг. Я попытался было украсть кошелек, но та старуха начала кричать, поэтому в конце концов мне пришлось заложить часы, а это были отличные котлы, черт побери!

Сейчас наверняка довольно поздно, потому что копы привязались ко мне около трех, и к тому времени, как они забрались на крышу, прошло еще добрых полчаса. Приплюсуем еще тридцать минут, которые я провел в этом чертовом

дворе. Возможно, сейчас около четырех. Стоит сентябрь, поэтому я могу рассчитывать, что еще, возможно, часа три будет светло.

Но сколько времени Анни будет находиться под кайфом? Вопрос так вопрос!

И как долго я еще смогу терпеть боль в ноге?

Я снова посмотрел на шприц, и у меня в желудке возникло это странное ощущение, какое у меня всегда возникало перед уколом. Я ведь кололся просто ради удовольствия, но даже у меня возникало определенное ощущение перед тем, как вонзить иглу. Я представил, как игла втыкается мне в руку, попадает прямо в пульсирующую синюю вену, я давлю на поршень шприца, и героин смешивается в шприце с моей кровью, а потом я отправляю его в вену, снова и снова давя на поршень.

Меня слегка прошиб пот. Нога здорово опухла, а штанина от засохшей крови заскорузла. Я совсем не чувствовал ногу ниже колена, если бы не эта проклятая боль! Я стал думать, что мне повезло, что я не покалечился еще сильнее, упав так на задницу. Я попытался дотянуться рукой до косячка героина, но малейшее движение приносило адскую боль, к тому же я никак не мог до него достать, несмотря на то, что почти наполовину сполз с решетки.

Я думал о том, как все хорошо сложилось бы, если бы копы не устроили облаву. Я заглянул бы к Перри и, возможно, поделил бы косячок с ним, а может быть, завалился бы

к Анни и поделился с ней дурью и побаловался бы кое-чем еще, несмотря на то, что она становится невменяемой, когда дело доходит до постели. Хотя кто сказал, что она должна получать от этого удовольствие? В мире есть только один человек, который что-то значит для Джоя Анджели – это сам Джой Анджели. И даже если Анни лежит бревном, она сложена словно резиновая кукла и гораздо лучше тех, кто под тобой извивается и пытается тебя вытолкнуть. Я стал думать об Анни, о ее теле, о ее сонном взгляде и о том, как у нее раскрываются губы, когда она втыкает иглу.

Я стал думать об этом, и через некоторое время боль в моей ноге прекратилась. Теперь я чувствовал лишь онемение ниже колена, словно у меня там совсем не было ноги. Только онемение и еще сильную пульсацию, словно что-то билось внутри о череп. Довольно приятный ритм: бум-бум! И я прислушивался к этому биению и не сводил глаз со шприца, который своей острой иглой указывал в противоположную от кирпичной стены сторону. И размышлял, что мне сейчас просто необходима очередная доза.

Когда я проснулся, уже стемнело. В окнах домов, выходящих во двор, горел свет, словно свечи в церкви. Я посмотрел на окно Анни, но оно было темным. И тут я заметил, что оно закрыто.

Закрыто!

Кто-то закрыл это проклятое окно, пока я спал. Анни, вероятно, закрыла его и вышла на поиски наркотиков. Я обозвал себя безмозглым болваном, потому что позволил себе заснуть, в то время как мне нужно было следить за Анни. А теперь вот она ушла, а я остался совершенно один в этом проклятом дворе в полной темноте! Ощущение было такое, словно ногу ниже колена мне отрезали. Я взглянул вниз, чтобы удостовериться, что она все еще на месте.

Без света из окна Анни решетка сточной трубы была погружена в темноту, и я был благодарен за это – по крайней мере никто с верхних этажей меня не увидит. Широкий луч света падал на шприц на бетоне, я посмотрел на него и облизнул губы. Сейчас нога у меня совсем не болела, только пульсировала и онемела, но внутри меня была боль иного рода, и я понял, что прошло чертовски много времени с последней дозы. Слишком много времени. Я укололся около полудня, но доза была слишком маленькой – только одна капсула, да и дурь была не очень хорошего качества, так всегда бывает, когда берешь у случайных продавцов. Но мне нужна была заправка, а Сэм сказал, что есть один человек, поэтому-то я его и нашел. Мне пришлось заложить свой портативный радиоприемник, чтобы получить капсулу, а когда зелье почти не подействовало на меня, я был готов задушить этого грязного негодяя, который всучил мне подделку. Позднее, когда я раскатал Гарри-Коня на бесплатную порцию, то забыл об

этом говенном торговце и действительно был готов из шкуры выскочить, когда нагрянули копы.

Значит, прошло двенадцать часов, и один Бог знает, сколько теперь времени. Судя по поту у меня на лбу, было довольно поздно, черт побери! По дрожи в руках, твердому комку в желудке и тикю, который начинал дергать уголок моего рта, по зуду в спине можно было судить, что прошло довольно много времени. Словно обезьяна начинала скрести своими когтями, точно, обезьяна! Она весила двадцать пять фунтов, сидела у меня на плечах и царапалась, и единственный способ стряхнуть эту обезьяну – ввести косячок героина, лежащий на бетоне, шприцем, который примостился с ним рядом в углу, блестя иглой в луче света.

Если бы я был наркоманом, то с ума бы сошел оттого, что вижу этот желанный косячок и не могу до него дотянуться. Ко мне потихоньку начала подкатывать тошнота, а потом стал прошибать пот, горячие липкие капли стекали у меня по подбородку, по шее и по позвоночнику. Я не мог сидеть спокойно, но и двигаться тоже не мог из-за того, что нога моя, застрявшая в решетке, была словно свинцовая. Я стал чесать спину, потом лицо, у меня зудело все тело, а комок в желудке начал переворачиваться. В конце концов рвотные массы вырвались у меня изо рта прямо на решетку сточной трубы, на штанины. От омерзительной вони меня снова вырвало, только на этот раз в желудке у меня уже ничего не осталось, и тело мое сотрясало от тщетных рвотных позы-

вов, пот лился ручьем. Ощущение было такое, словно я заболел малярией.

Через некоторое время это состояние прошло, как обычно. Однако я знал, что оно не исчезло навсегда, потому что обезьяна все еще сидела у меня на плечах и царапалась, и у меня клацали зубы. Я попытался поддержать нижнюю челюсть, но, черт побери, не смог. Я думал, что, услышав щелканье моих зубов, все жители близлежащих домов бросятся к окнам, и все время благодарил Бога за то, что я не наркоман, потому что тогда мне бы несладко пришлось.

Я пытался собраться с силами, прислонился спиной к стене. Моя нога теперь так распухла, что ни за что не пролезла бы через прутья решетки. Я прислонился спиной к стене и посмотрел вверх на освещенные окна, занавешенные шторами, на которых видел танцующие тени, словно образы в наркотическом сне, как те тени, что я наблюдал однажды, когда один фрукт из другого района угостил меня опиумом. Вот это, я вам скажу, было ощущение! Только у того фрукта были такие желтые зубы и кожа как пергаментная. Я подумал и решил после того вернуться к доброму старому героину. Но все-таки это было клево, со звуками которых я никогда прежде не слышал, как будто классный оркестр дул в свои трубы и бил в свои барабаны, и звуки были ясные и чистые, я даже мог различить нежный разговор труб и низкое подвывание тромбонов. А еще там были цвета, словно они танцевали в ритм со звуками, – ярко-красные вспышки, от-

чаянно-алые и нахально-желтые. Они так и мелькали у меня перед глазами. Этот опиум был силен, я вам скажу, лучше, чем понюшка кокаина, который я однажды попробовал, и даже лучше морфия, который Гарри-Конь давал мне давным-давно.

Я наблюдал за теньями на занавесках, а потом за одной тенью, которая не была тенью вовсе. Оконные занавески были незадернуты, и девушка стояла перед окном. Это была высокая, темная мулатка с изящным гибким телом в шелковом платье, которое облегалo ее выпуклые груди и натягивалось на плоском животе.

Она взялась рукой за подол своего платья, а потом стянула его через голову, и я слегка подался вперед, не спуская с нее глаз. Окно находилось на втором этаже, и я мог видеть все совершенно ясно. Я сидел, прислонившись к стене в темноте, смотрел и знал, что девушка не может меня видеть, и от этого у меня возникло приятное чувство, словно она раздевается только для меня одного.

На ней была розовая комбинация, и темный цвет ее тела казался мягким на фоне шелка. Она сняла комбинацию через голову. Я не сводил с нее глаз. Она подошла к окну и долго там стояла, и ее груди тяжело вздымались каждый раз, как она вдыхала в себя воздух. Девушка смотрела вниз, в темноту, ее взгляд был устремлен прямо на меня. Я зажмурился, чтобы белки глаз не выдали меня в темноте, а когда открыл глаза снова, то занавески были уже задвинуты, а за

ними мелькала лишь ее тень.

Меня снова прошиб пот. Такой оборот дела снова заставил меня вспомнить об игле, лежащей в углу. Я попытался высвободиться из решетки. Я тянул ногу, пока, опухшая, она не застряла между прутьями, а потом резко опустил лицом к бетону.

Я вытянул руку, и мои пальцы потянулись к косячку героина. Я видел целлофан, почти ощущал сладковатый вкус порошка в пакетике, почти чувствовал, как он разливается по моим венам. Но я не мог прикоснуться к нему. Мои пальцы скребли бетон, но я не мог дотянуться до героина. И я начал ругаться про себя, а потом без сил снова лег на стену.

Я лежал, тяжело дыша, и смотрел вверх на зашторенное окно, в котором раздевалась та сучка. Я размышлял, видела ли она меня, а потом удивился, почему это ей вздумалось раздеваться у открытого окна, и отметил про себя, что нужно будет заглянуть к ней, когда выберусь из этой ловушки.

Когда дверь подвала открылась, я все еще размышлял об этой шлюшке. Я услышал скрип петель, и страх пронзил и расколол мне череп. Позади здорового мужика, стоящего в дверном проеме, горел свет. У него были широкие плечи и массивная грудь, а руки сжаты в кулаки. Он ни минуты не колебался. Закрыв за собой дверь, а потом подошел прямо к тому месту, где томился я, пойманный решеткой.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответил я ему.

– Ты что, застрял? – спросил он. – Джуни увидела тебя из окна. Говорит, ты тут застрял.

В темноте его лицо казалось бледным. У него были голубые глаза и копна рыжих волос на голове.

– Не можешь сдвинуться с места, а? – сказал он, и тут же у него на лице появилась улыбка, которая мне совсем не понравилась, как и прищур его глаз.

– Послушайте, – сказал я, – не могли бы вы позвать мою подружку? Квартира номер...

– А копов тебе не позвать? – спросил он, все еще улыбаясь.

– Не надо, – поспешно ответил я хриплым голосом. – Нет, копов не надо.

– У тебя неприятности с полицией?

– Нет. Но полицию вызывать не надо.

Он улыбнулся, размахнулся и вмазал мне по лицу.

– Эй, какого черта...

– Заткнись, сопляк! Заткнись или получишь еще!

– Ну что за...

– Говорю, заткнись!

Он оттянул мою голову за волосы и ударил ею о цементную стену, а потом начал шарить у меня по карманам.

– Эй...

– Молчи! – сказал он, снова ударив меня. – Где твои деньги?

– У меня их нет.

– Где они, придурок?

– Это что, ограбление? Вы ошиблись номером, мистер.

Вы...

– Как ты тут оказался?

– Прыгнул.

– Зачем?

– Я.., это не ваше дело.

– Ты сюда что-то обронил?

Он пристально посмотрел на меня, разозлившись, потому что у меня не было при себе денег.

– Так? Ты уронил сюда что-то ценное? Я ничего не ответил.

– Значит, точно. Ну, давай посмотрим.

Он принялся искать во дворе, осматривая бетон. Я следил за ним взглядом, а одним глазом смотрел на шприц, лежащий в углу, и изо всех сил надеялся, что он его не найдет. Он обыскал бетон, потом заметил блестящий металл и сказал:

– Ясно. Теперь понятно. Наркоман проклятый! Он поднял шприц и положил его себе на ладонь, иглой направив на меня.

– Ты за этим сюда полез, наркота? За этим?

– Отдайте мне шприц, – выдавил я из себя. Он засмеялся, а потом сказал:

– У тебя есть то, что идет в комплекте со шприцем?

– Нет. – Я неуверенно замотал головой.

– Дурь тоже тут внизу, а? Бросил сюда, а? Так вот почему

ты не хочешь встречаться с копами, а?

Он снова стал искать на бетоне, и не прошло и двух секунд, как он нашел косячок.

– Ну-ну, – сказал он. – Может, в конце концов, это и не такая уж ценность. Сколько мне за это дадут? Пятерку? Десятку?

– Послушайте, – сказал я. – Отдайте это мне! Мне очень нужно, поверьте. Я.., я вам заплачу. Я.., я все сделаю, что вы скажете.

– Говоришь, тебе очень нужно, а? Так ты без этого не можешь, сынок?

– Черт, конечно же могу! – возмутился я.

– Тогда зачем тебе?

– Я просто...

– Я собираюсь разобраться с этим порошком, – сказал он. – Тогда мы с Джуни сможем сходить и посмотреть какое-нибудь шоу. Тебе понравилась Джуни, мальчик? Она сказала, что ты пялился на нее, когда она раздевалась.

– Послушайте, мистер, пожалуйста! Отдайте мне порошок, и я...

– Заткнись! – рявкнул он.

Он взял шприц и отнес его к кирпичной стене, а потом всадил иглу прямо в кирпич, согнул и перекрутил ее.

– Не надо! – умолял его я. – Не надо! Вы же... Он закончил калечить шприц, а потом швырнул его на дальнюю стену двора, и я услышал, как разбилось стекло, когда шприц

ударился о кирпич.

– А теперь я это продам, – сказал он. – Ты знаешь, наркоманам это может понадобиться?

– Ах ты, негодяй! – прохрипел я. – Грязный, вонючий, гадкий сукин сын, мерза...

Тут он меня ударил ногой, и я упал на бетон, все еще обзывая его. Он прошел к двери в подвал, и на какое-то мгновение свет опять заполнил двор. А потом дверь со скрипом захлопнулась, и он ушел с моим героином, а мой шприц остался лежать во дворе, разбитый на мелкие кусочки.

Я начал плакать, а когда перестал, меня снова начало рвать, и я давился от рвотных позывов до тех пор, пока солнечный свет снова не залил двор, и именно тогда меня нашла Анни.

Чтобы вытащить меня из решетки, пришлось распиливать прутья. Доктор загипсовал мне ногу и сделал укол, чтобы не развилась гангрена. Когда он ушел, я лежал на кровати и смотрел на Анни в ее голубом шерстяном платье, и снова думал о том рыжеволосом гаде и о его девчонке Джуни, и прикидывал, за сколько он продал мой героин.

Но сейчас это не имело никакого значения. Похоже, ничего вообще уже не имеет значения. Потому что Анни держит в руке ложку, с верхом наполненную героином, а спич-

ка под ложкой горит маленьким желтым огоньком, помогая смешивать героин с водой.

– Ты многое перенес, Джой, – сказала она.

– Неужели? – Наблюдая, как растворяется горка героина, я облизнул губы.

Она нажала на шприц, чтобы вытолкнуть воздух, а потом набрала зелье, а я смотрел, как молочного цвета вещество поднимается по размеченному шкалой стеклянному цилиндру.

– Хочешь, беби? – спросила Анни.

– Ты спрашиваешь, хочу ли я дышать?

– Парень, ты точно влип. Завяз по самые уши.

– Кто? Я? Да я могу бросить в любой момент! – сказал я.

– После всего, что тебе пришлось пережить, ты должен бы ненавидеть эту дурь. Тебе бы захотелось плевать каждый раз, как только ты ее видишь. Ты подсел на иглу, дружок.

– Только не я! – возразил я. – Я могу бросить, если будет нужно.

– Тогда почему не бросаешь?

– А чего ради? – удивился я. – Кому от этого вред? Эй, так ты дашь мне или нет?

Она принесла набранный шприц к кровати и вколола так, как только Анни умеет ввести наркотик. Она наполняла мою вену зельем до тех пор, пока у меня глаза чуть не вылезли из орбит. И я позабыл и о сломанной ноге, и о том, что произошло во дворе. Я думал только о героине, вливаемом в эти

набрякшие толстые вены, и радовался, что не сижу на игле, потому что парень, который сидит на игле, просто никуда не годится.

И тогда я стал вырубаться. А потом принялся прикидывать, где раздобыть новую дозу, размышляя, созрел ли Гарри-Конь до того, чтобы пожалеть меня и опять дать героин бесплатно.